

М.В.Баньковская

Василий Михайлович АЛЕКСЕЕВ

И
КИТАЙ

Книга об отце

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2010

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-01-16014д*

Ответственный редактор
академик РАН *Б.Л. Рифтин*

Баньковская М.В.

Василий Михайлович Алексеев и Китай : книга об отце /
М.В. Баньковская. — М. : Вост. лит., 2010. — 487 с. — ISBN 978-
5-02-036436-3 (в пер.)

Книга посвящена творчеству одного из крупнейших русских и советских востоковедов, основоположника современного научного китаеведения академика В.М. Алексеева (1881–1951), который первым в российской синологии стал рассматривать китайскую цивилизацию как неотъемлемую составную часть мирового культурного процесса. В монографии, написанной на основе документов и автобиографических свидетельств самого ученого, представлен научный и творческий путь В.М. Алексеева, раскрывается история его борьбы за настоящую академическую науку о Китае.

Автор этой «Книги об отце» — Марианна Васильевна Баньковская (1927–2009) — более полувека своей жизни посвятила изданию трудов В.М. Алексеева, опубликовала десятки статей о судьбе его творческого наследия, о судьбах его коллег и учеников — Ю.К. Щуцкого, Н.А. Невского, Б.А. Васильева, Л.З. Эйдлина и других.

«...доля нелегкая, но и счастливая тоже»

Книга, которая перед читателями, посвящена академику Василию Михайловичу Алексееву, крупнейшему китаеведу XX века. Ему, его судьбе в науке. Но у этой книги есть и второе главное действующее лицо, правда, о нем говорят только имя и фамилия на титуле, — это Марианна Баньковская. Перевернув последнюю страницу, читатель как не знал о ней ничего, так ничего и не узнает, ну разве сообразит, что она — дочь академика.

Между тем я уверен, что Марианна Васильевна Алексеева (по мужу — Баньковская) полноправный герой этой книги, и пишу эти строки, чтобы, во-первых, убедить в этом читателей, а во-вторых, выразить восхищение ее умом, самоотверженностью, талантом, трудолюбием, редко когда реализуемыми в одной личности с такой впечатляющей полнотой.

Самый крупный, самый значительный человек, покинув этот мир, остается жить в памяти людей и в своих делах. Если этот человек по профессии ученый, да к тому же гуманитарий, то дела его — книги, статьи, в которых поиски, догадки, открытия — словом, вся прожитая в науке жизнь. Помнят о нем в первую очередь коллеги и ученики, если он таковых воспитал.

Судьба В.М. Алексеева сложилась так, что подавляющая часть написанного им ушла в архивные залежи, а из многочисленных учеников (почти сорок лет он преподавал в Петербургском, потом Ленинградском университете) ко времени его смерти в 1951 году в живых осталось всего несколько человек — остальных безжалостно выкосила смертная коса XX века, кого в 17–21-м, кого в 30-е, кого в 41–45-м и позднее, в конце сороковых.

В середине 50-х, едва развиднелось, немногие уцелевшие ученики начали готовить к изданию, а потом и «пробивать» в печать добытые из архива рукописи В.М. Алексеева. Имена этих замечательных, самоотверженных людей с благодарностью поминает автор на страницах этой книги: Лев Залманович Эйдлин, Виктор Васильевич Петров, Лев

Николаевич Меньшиков, Борис Львович Рифтин. Иногда, эпизодически, к этой «могучей кучке» присоединялся кто-то еще из синологов, но главную ношу вынесли именно они. Все это были действующие ученые в расцвете сил и таланта, активно занимавшиеся наукой, отрываться от собственных статей, книг, переводов было для них нелегким делом. Организационные инициативы, а также все, что не было напрямую связано с синологическими знаниями и умениями, взяли на себя вдова Алексеева Наталия Михайловна, востоковед по образованию, ученица Б.А. Тураева, и его дочь Марианна Васильевна. Как писала много лет спустя сама МВ,

список моих работ... начинается 58-м годом — «В старом Китае», где нет моего имени на титуле (не хотела обнародовать свое участие, но оно было весьма существенно).

После кончины в 1973 году Наталии Михайловны Марианна Васильевна полностью взвалила на свои плечи весь груз забот об издании работ отца. Настоящая книга — прямое свидетельство того, что одной этой, пусть важнейшей, задачей Марианна Васильевна не ограничилась, понимая свой долг перед наукой много шире: она, никак не будучи по образованию синологом, более того — гуманитарием, вознамерилась описать научный путь В.М. Алексеева в контексте людей — друзей, коллег, учеников — и времени.

Мне повезло: десятилетиями мы с МВ состояли в переписке. Она была потрясающим собеседником, ее письма по яркости, живости, ненапорочитой литературности напоминают лучшие эпистолярные образцы XIX в., когда письма еще были органичной частью культуры. Выдержки из посланий МВ и послужат основой нашего рассказа о том, как писалась эта книга. Другие труды — издания работ В.М. Алексеева, собственные статьи о его коллегах и учениках — будут возникать в отобранных нами фрагментах писем лишь постольку-поскольку и в связи с книгой.

Сейчас, перечитывая сотни страниц, плотно заполненных от руки или на машинке, кажется, что замысел книги об отце существовал всегда. Но это не так. С непреходящей горечью говорила всегда МВ о том, что пока был жив В.М. Алексеев, его работа, сам он как ученый интересовали ее до крайности мало.

Посылаю, наконец, обещанные фото, на которых так внятно видны все главные папины черты: доверчивость — притом, что готов к отпору, неистребимый энтузиазм — и притом затаенная горечь от стольких непризнаний и неприятий, способность и в конце жизни вот так смотреть в море... Все вместе — сквозной укор самому времени, да и мне, не чувявшей его тогда, тоже.

С детства внушали: когда папа занимается, беспокоить его нельзя, но тихо прокрасться в кабинет и увидеть его склонившимся над китайской книгой в окружении книжных полок и регистраторов было любопытно, но не более того. Даже специальность, когда подошло время, дочь выбрала весьма далекую от отцовской синологии — поступила на биофак университета. Но судьбе было угодно направить способного биолога по иной стезе: сначала призванная дочерним долгом, потом все более и более увлекаясь, наконец, обнаружив в себе явное к тому призвание, МВ занимается наследием В.М. Алексеева. Не боясь преувеличения, можно сказать, что с годами, напившись сведениями из отцовских рукописей, она сделалась вполне знающим китаистом.

Драматическая судьба В.М. Алексеева, встававшая со страниц его писем, дневников, терзала душу и требовала рассказа — вдумчивого, честного, пространного. Знаю, что особую роль в складывании замысла книги сыграла подготовка собрания статей Василия Михайловича о востоковедах и востоковедении — «Науки о Востоке». Именно тогда, читая давние воспоминания отца о любимых коллегах и учениках, юбилейные речи и некрологи «далеко отошедшим», дочь осознала не только масштаб ученого, но и величие человека. С тех пор будущая книга уже не отпускала. Порой начатую рукопись приходилось надолго отодвигать в сторону, звали неотложные дела, но и в это время книга писалась — мысленно.

К середине 80-х МВ начинает подумывать об издании. Разумеется, печатать книгу она намеревалась в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». Там выходили почти все посмертные издания Алексеева, выходили не без досадных потерь, но при доброжелательном отношении редакторов, самого Главного — Олега Константиновича Дрейера, который «кто есть кто» в науке понимал прекрасно, хотя и понуждаем был издавать и разнообразную халтуру тоже. С Алексеевым все всегда проходило непросто, охотников нашептать Главному какую-нибудь клевету об опальном академике хватало. Дрейер скрипел, но держался твердо. МВ это ох как ценила. С ней заключили договор на будущую книгу, выплатили аванс, ставший потом дополнительным источником терзаний совестливой МВ. Но и без «денежного вопроса» поводов для переживаний хватало.

С большой неохотой берусь за письмо, чего никогда не бывало. Не могу не информировать тебя о своем личном — внутри общего — кризисе. Я не смогу представить книгу к сроку... даже в «рыбном» варианте... Всякая «рыба» настолько противна моей натуре, что я страдаю физически: сажусь «складывать» материалы и тут же либо начинаю над ними работать, т.е. увязаю, либо просто прихожу в негодность и сажусь картоху чистить. Просить еще раз

о продлении тоже не могу. Остается путь позорный, но честный — расторгнуть договор и вернуть аванс. К тому побуждает и еще один фактор, болезненный в прямом смысле: стали болеть ноги, так что за стенки, бывает, хватаюсь. Придется ковылять к докторам, терять время, да и вообще перспективы могут быть самые разные.

Кроме этих унылых аргументов есть и более позитивные, во всяком случае — конструктивные. Думаю, ты не должен сомневаться, что я, пока жива, книгу не брошу и обороты не сбавлю, так что есть надежда, что если к тому времени жив будет хоть один издатель, то она может пригодиться.

Человек глубокого врожденного благородства, МВ жила в постоянной надежде примирить, так сказать, дело жизни — книгу об отце с регулярно возникающими обязательствами. Не принять их на себя не было никакой возможности, приходилось доказывать самой себе, что все эти замедления, уходы в сторону — во благо книге. В сущности, так оно и было. Беднее, глуше звучала бы основная тема алексеевской судьбы без многочисленных вариаций — рассказов о его спутниках, начиная с юности и до последних лет жизни. Созрели, обрели необходимую глубину эти рассказы-вариации именно тогда, когда, коря себя за якобы слабость, соглашалась МВ написать статью то о С.Ф. Ольденбурге, то об И.Ю. Крачковском, бралась за перо и погружалась в очередную жизнь, и обдумывала ее, и мысли в блестящей выверенности строк ложились на бумагу.

О главном, трудном и наболевшем. Я знаю, ты меня осудишь и будешь прав, но — права и я. Год назад умерла моя недолгая близкая приятельница Марина Соловьева, племянница Ю.К. Щуцкого. Умирая, просила меня извлечь из обширных ее мемуаров книгу о Юлиане. Этим я и занимаюсь... Это не просто, но увлекательно, как ни ужасно, а главное — не могу не сделать. Книга будет живым, конкретным, домашним свидетельством того, что мы потеряли, и того, как это все уничтожилось (Марина ходила в дом на Литтейном, законспектировала допросы и прокомментировала их).

Через некоторое время, когда работа над повествованием о любимом ученике Алексеева была в самом разгаре, МВ опять начала грызть себя за медлительность, неумелость, за слишком, в конце концов, далекий и глубокий уход от магистральной темы. А иначе она не умела. Интересный материал забирал ее всю, целиком. Вот и письма этого времени переполнены мыслями о Щуцком, восхищением перед феноменальным его даром ученого и чудесным обликом человека. Но и собственных душевных терзаний в них тоже вдоволь.

Когда на душе скверно, на ней охотно растут всякие поганки, мое затянувшееся молчание — одна из них. Скверно — потому как увязла скверно: труден и тяжел оказался «Щуцкий», а я — тот самый осел — ослица то бишь, которая не может сбросить кладь и не в силах вывезти (метафору заимствую не у кого-нибудь, а у самого... Ницше!).

Едва МВ заканчивала один «отвлекающий» сюжет, как возникал следующий. Иногда работа накатывала «девятым валом», и казалось, вот-вот накроет эту хрупкую, страдающую множеством недугов женщину.

Мне трудно бороться с самой собой — своим крохоборством, копаньем, маломощностью, старостью и — поверх всего — бытом.

Но нет. С редким мужеством она всякий раз выплывала, жалуясь, но и находя в такой жизни и смысл, и радость.

...я легко воспаляюсь. Как показывает опыт, слишком легко... Теперь имею на столе — о, ужас! — 6 работ окромя основной: статью о Невском (просит не только Громковская, но и Елена Николаевна Невская — моя детская подружка Нелли), заказ из Проблем Дальнего Востока на публикацию с картинками (фото с акварелей Пясецкого, оригиналы которых купил после войны папа и очень их любил) и комментарии к ним по книгам Пясецкого и Алексеева (это уж прямой грех, но — такая соблазнительная конфетка!), два телесценария — Алексеев и еще отдельно «Малака» (действующие лица и их судьбы), готовая, но требующая некоторых изменений немецкая статья, которую я приготовила для Вены, но там она не привилась, и я хочу отправить ее Хельмуту Мартину, благо уже на немецком и к тому же, говорят, хорошая. А еще на столе и на душе Витин сборник: ...я продолжаю трясти авторов, корреспондировать (уговорила вроде бы Анну Долежалову, послала ей нужные материалы), но надо еще и свои две статьи для сборника подогнать...

Вот так я грешу и каюсь, а еще отвратительно хромаю, что мешает даже в дому, а из дому вовсе худо.

Почти все заготовки, сырые материалы, заметки, в окружении которых существовала МВ, рано или поздно обретали печатную форму, появлялись на страницах журналов и книг, не без трудностей, конечно:

...узнай, пожалуйста, при случае о судьбе моих статей в «Востоке»: «Труженик науки о Востоке», «Цао Цзин-хуа...», «Мой двойник...» (это о Невском). От них ни звука, видать, никому не до чего, что вполне понятно, но грустно.

Реже они звучали в виде устных сообщений, всегда с блеском и артистизмом прочитанных. С годами все чаще приходилось писать и произносить поминальные слова, собирать сборники, вроде помянутого выше «Витиного» — книги воспоминаний о любимом и неоценимом помощнике во всех «алексеевских» делах Викторе Васильевиче Петрове.

И всегда, неизменно, длился главный сюжет: публикация научного наследия В.М. Алексеева. Его архив казался поистине неиссякаемым. В последние двадцать лет три важнейшие публикаторские задачи решала МВ: переиздание в расширенном и дополненном виде работ Алексеева по китайской литературе; подготовка к печати и выпуск в свет алексеевских переводов китайской классики, выполненных ученым во время войны в эвакуации в Боровом; наконец, второе после 1916 года издание «Поэмы о поэте» Сыкун Ту, синологического шедевра молодого Алексеева. Это был долг, но выполнение его воспринималось подчас как соблазн, как искушение и словно бы нуждалось в оправдании.

...впору плакать, жизни не хватило, как водится. Но антологию надо выдюжить, из души не уходит папа в Боровом, согбенный над столом его силуэт, зимой и летом, утром и вечером, когда кругом гуляли, болтали пр<очие> академики. Через 50 только лет замигала надежда на напечатание, как же за нее не ухватиться.

В эти годы талант МВ раскрывается вполне. Она уже не только составитель и публикатор, выходящие книги украшают ее послесловия, тонкие, умные, аналитичные, а в «Трудах по китайской литературе» — и врезки к разделам, научные миниатюры, многие из которых с гордостью подписал бы и профессиональный синолог. Биограф на глазах уверенно превращался в исследователя.

Но в эти же радостные годы, когда книги шли чередой, начали одолевать болезни, несчастья тоже пошли одно за другим. Коротко, но мучительно поболел, умер сын. Начал сдавать, казалось, двужильный Норберт — любимый муж, верный помощник, опора во всех делах и начинаниях...

В середине 90-х с появлением в обиходе компьютеров и электронной почты собственноручные и даже машинописные послания стремительно исчезли из нашей жизни. Писем этих лет почти не осталось, их и не было — чуть не ежедневно мы обменивались «емелями», которые мне долго не приходило в голову — по их в сравнении с привычными письмами эфемерности — хранить, складывать в архив. И все-таки кое-что осталось и от этих лет.

О своих недугах МВ писала вскользь, почти никогда всерьез, скорее как о досадной помехе работе за письменным столом. О делах все-

гда подробно, со вкусом. Интересно следить, как ветвятся книжные сюжеты, давая новые ростки и плоды — статьи, предисловия, заметки. И пожив собственной жизнью, возвращаются в книгу («многое из статьи войдет в главу о переводах»). И все же общий пессимизм торжествует. МВ совсем перестает выходить из дому, даже в любимом Комарове за все лето раз-другой сойдет в сад. Но и в эти годы лейтмотив книги об отце звучит настойчиво, вопреки и поверх обстоятельств.

О своих делах писать как-то скучно. Ты, наверно, знаешь, что ввиду моего глухого увязания пришлось просить перекантовать меня в план следующего года. Это худо по всем статьям: на спешку нет сил, халтура — кость в горле. Утешенье лишь в самом материале, который мне все интересней. Думаю, твои ожидания не будут обмануты — если, конечно, выдюжу.

* * *

Все в основном скучно-грустно и даже хуже того, а потому все больше хочется знать про ваши дела, которые должны быть интереснее и живее, чем в нашем мурье (папино словцо).

Но в Москву я больше не езду, увя... Книгу, конечно, продолжаю и буду продолжать, пока жива.

* * *

А книга? Она сложена, надо только работать — выработать. С годами, то бишь со старостью, я стала лучше понимать, но хуже, туже соображать, знаю, как надо, а прити меньше. Не сдаюсь, но сроки не могу даже выговорить — не знаю. Впереди зыбь, муть, быт, болести. Вот и суди меня, мою долю нелегкую, во многом нелепую, но и счастливую тоже.

* * *

Если будет настроение, подумай на тему: как лучше назвать мою книгу. «В.М. Алексеев» — скучно для незнающего. Идеально точно и прекрасно было бы «Постоянство пути», но теперь уже — амба (под таким названием вышел сборник стихотворных переводов В.М. Алексеева из антологии эпохи Тан. — И.С.). «Всегда своим путем»? Главная сквозная тема — поиск своего пути и следование ему наперекор всему. «Круги своя» и их производные уж слишком захватаны.

И последнее, может быть, самое безнадежное, но и не без гордости признание:

И все время чувствую, что от меня ждут большего, чем я могу дать, — и по знаниям, коих так остро недостает, и по силам, коих,

увы, не больше. Короче — жизни не хватило, обычная история (как перед экзаменом студенту не хватает еще одного дня, так и книгоделателю перед кончиной не хватает еще одной жизни).

Марианна Васильевна Баньковская умерла в августе 2009 года. За год до того скончался верный Норберт Георгиевич, и она стала стремительно сдавать. Приближающуюся смерть предчувствовала, последние два-три месяца впервые перестала работать — перо, в буквальном смысле, падало из рук, мучили боли. Она могла гордиться прожитой жизнью, тем, что успела и, уверен, в тайне гордилась.

Когда оглядываешь ряды книг В.М. Алексеева, вышедших за минувшие пять десятилетий, — исследования, переводы, размышления о Востоке и востоковедах, — поражаешься огромности сделанного ею буквально на твоих глазах и словно бы незаметно, с легкостью, без труда. Отошли, померкли, забылись тяготы, издательские препоны, только письма хранят волнения, надежды, разочарования. Зато восхищение совершенным Марианной Васильевной Баньковской (навсегда — Мусей) неизменно пребудет с тобой, и хочется поделиться им с читателями этой и других книг, ею созданных.

Илья Смирнов

От автора

Эта книга — не биографический очерк, в ней нет ни полного охвата материала, ни хронологической последовательности. Это — рассказ о формировании ученого и о поисках новых, отвечающих времени форм деятельности, преподавания, творчества.

Китаист академик В.М. Алексеев — один из самых ярких представителей плеяды крупнейших российских востоковедов. Он принадлежит к тем редким ученым, на долю которых выпало придать своей науке новое направление, новое качество. Подобное, по выражению самого Алексеева, дается лишь тому ученому, который *«ценою труда всей жизни формирует свое мнение и свою теорию»*. Книга об Алексееве — книга о таком труде. Однако материал, отвечающий этой теме, слишком велик, и мы смогли остановиться лишь на главных моментах, стараясь представить их в виде живых эпизодов, основанных прежде всего на документах и автобиографических свидетельствах самого Алексеева.

В высказываниях, приведенных в книге, есть многое, что не входит в избранные труды, но в самих трудах незримо присутствует, ибо раздумья ученого, доверенные дневникам и письмам, входят в его научное творчество, как сама кровь и дыхание. Отбирая из массы документов лишь немного, мы стремились сохранить вживе то не поддающееся четкому определению, но всегда и всеми ощущаемое свойство личности, которое называют яркостью.

Алексееву была всю жизнь присуща настоящая потребность в самооценках собственных трудов и самого себя, всегда до конца открытых и критических до полной беспощадности. Оглядывание на содеянное — достижения, ошибки, потери — помогало ему в поисках новых, лучших решений стоявших впереди задач. Обилие такого рода автобиографических материалов предоставило нам редкую возможность преступить в этой книге рамки традиционных жизнеописаний, высветив интимные стороны творчества, живую связь личности ученого, его нравственной позиции с генерируемой им научной продукцией. Работая над книгой, мы много раз убеждались, что собственные

оценки Алексева всегда глубже, выразительнее и точнее любых других, и поэтому всюду, где это оказывалось возможным, мы отдавали решительное предпочтение прямым цитатам, а не пересказу.

Все цитаты, содержащие высказывания Алексева, а также образцы его переводов заключены в кавычки и выделены курсивом. В книге использованы алексеевские материалы из Петербургского филиала Архива РАН (ПФ АРАН, ф. 820), из архива Института восточных рукописей РАН (б. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) и семейного архива.

Оглавление

«...доля нелегкая, но и счастливая тоже» (И.С. Смирнов)	3
От автора	11
Глава I. «Я воспитывал себя сам...»	13
Гимназия	15
Университет	17
Англия — Франция — Германия	31
Китай	67
Глава II. Строитель базиса своей науки	104
В Азиатском музее	105
Азмус во мгле — и на ветру	126
Смех — дело серьезное	137
За книгами	153
Через Монголию в Китай	182
Морем из Шанхая в Марсель	203
20 лет спустя	220
Лаборатория филолога	231
Глава III. В трудах над китайской литературой и эстетикой	259
Почем «фунт станса»	259
Алексеев и его Ляо Чжай	298
«Избранные танские стихотворения» и... «Болезни лошадиных копыт»	354
Раздумья о буддизме в Китае	365
Алексеев — зачинатель сравнительной эстетики Востока и Запада. «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве»	367
Глава IV. Друзья, коллеги, ученики	374
Семь ярких вспышек	374
«Бледнолицый брат мой в синологии»	404
Читая комментарии В.В. Петрова к трудам В.М. Алексеева	422
Вместо заключения. «Я — рабочий энтузиаст»	441
Хронологический список трудов М.В. Баньковской	483